

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

**ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ УСТИНОВОЙ И ПАВЛА АСТАХОВА
В СЕРИИ «ДЕЛА СУДЕБНЫЕ»:**

**БОЖИЙ ДАР
КРЕДИТ ДОВЕРЧИВОСТИ
КРАСОТКА
ДНК ГЕНИЯ
ЖИЛЬЕ ПО ОБМАНУ
ПО ЗОЖУ СЕРДЦА
ШОК-ШКОЛА
ЧУДО-ПИЛЮЛИ
МИНИ-МОДЕЛЬ
ОПЛАЧЕННЫЙ ДИАГНОЗ
ДОЧКИ-МАТЕРИ
ПЛЕННИЦА
КВАРТИРА В РАЮ
КОРОЛЕВА БЛОГОСФЕРЫ
РАЙСКИЙ ПЛОД
ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ
БЕЗ БРАКА
ЗИГЗАГ У ДАЧИ
НЕДОБРОЕ ИМЯ**

Татьяна УСТИНОВА

Павел АСТАХОВ

НЕДОБРОЕ ИМЯ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*
Дизайн обложки *Н. Каштыкина*

Устинова, Татьяна Витальевна.
У80 Недоброе имя : роман / Татьяна Устинова,
Павел Астахов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-238199-7

Это история о предательстве, неожиданном ударе из прошлого, о любви, проходящей испытание на прочность, и о борьбе за свое доброе имя, когда весь мир, кажется, ополчился против тебя.

В мире, где репутация строится и рушится одним словом, федеральный судья Елена Кузнецова становится мишенью для безжалостной и анонимной травли. Поток лжи и клеветы, запущенный в глубинах интернета, грозит уничтожить не только карьеру Кузнецовой, но и саму ее личность. Пока искусственный интеллект выносит Елене обвинительный приговор, а близкие сомневаются, она вступает в отчаянную схватку с невидимым врагом. Сможет ли она найти кукловода, дергающего за ниточки в этой грязной игре, прежде чем ее жизнь будет разрушена до основания?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Астахов П., Устинова Т., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-238199-7

Председатель Таганского районного суда Анатолий Эммануилович Плевакин внезапно заинтересовался всем, что связано с ИИ. В один из дней он пригласил помощника судьи Елены Кузнецовой Тимофея Барышева к себе в кабинет, чтобы узнать о новых технологиях побольше.

Тимофей начал рассказывать с некоторой опаской. Плевакин был, конечно, мужик умный, но все-таки немного старомодный. Даже с компьютером у него отношения складывались слегка напряженно, на уровне не совсем уверенного пользования текстового редактора. К примеру, Эксель с его таблицами для Анатолия Эммануиловича оставался китайской грамотой.

Тем не менее слушал он внимательно.

— И что можно делать с помощью этой твоей штуки? — уточнил он после вводного курса разъяснений.

— Ну например, недавно ученые восстановили утерянный гимн хвалы Вавилону.

— Чего?

— Ученые из Мюнхенского университета и университета Багдада составили платформу «Вавилонская электронная библиотека». Они оцифровали все найденные фрагменты клинописных текстов из Месопотамии и потом привлекли искусственный интеллект для расшифровки и сопоставления сотен глиняных табличек из библиотеки Сиппара. И вот когда они это делали, в процессе расшифровки обнаружили текст, состоящий из примерно двухсот пятидесяти строк, датируемый началом первого тысячелетия до нашей эры. В нем воспевается величие Вавилона. В тексте говорится о могуществе древнего города и о жизни в нем. Ученые пришли к выводу, что это гимн. Кроме того, в тексте есть информация о роли жриц и их обрядах. До этого ученые не находили такого подробного описания жизни вавилонских женщин.

— А нам что с того? — не проявил энтузиазма Плевакин.

— Нам ничего. Просто интересно. Теперь ученые во всем мире будут использовать искусственный интеллект в археологии.

— Нас археология не интересует. Нам бы с юриспруденцией разобраться, — вздохнул Анатолий Эммануилович. — В нашей работе от этой штуки какая может быть польза?

Тимофей тщательно пересказал начальнику все то, что до этого сообщал Елене Кузнецовой.

— Мелко как-то, — остался недоволен Плевакин. — Вот я, например, хочу внедрить аттестацию сотрудников.

— А чего ее внедрять? — не понял Барышев. — Она же существует. Все знают, что квалификационная аттестация судей — это оценка уровня профессиональных знаний судьи, его умения применять их при осуществлении правосудия, результатов деятельности, деловых и нравственных качеств, а также соответствия его требованиям, предъявляемым законом и кодексом судейской этики.

— Да это-то понятно, — махнул рукой Плевакин. — Я о другом говорю. Хочу провести внутреннюю аттестацию, чтобы понимать, ждать мне от своих сотрудников каких-то сюрпризов или нет. Вот скажи, ты можешь с помощью своего искусственного интеллекта провести какой-нибудь тест по всем судьям нашего суда по вопросу их профпригодности?

— Так с помощью своего интеллекта или искусственного? — неуклюже пошутил Барышев.

Странное поручение Плевакина привело его в замешательство.

— Ты можешь, применив возможности искусственного интеллекта, оценить уровень про-

фессионализма и компетенции наших судей? — терпеливо разъяснил Плевакин.

— ИИ может только быстро проанализировать всю имеющуюся в сети информацию, в которой упоминаются имена наших сотрудников, их дела, принятые решения и вообще все, что их касается. И дать какое-то заключение о целесообразности их нахождения в статусе судей. Это не совсем анализ глубины профессионализма. Это же не экзамен, где они на вопросы отвечают. Это скорее ответ на вопрос о соблюдении некоего этического кодекса, поведении в общественном пространстве. Ну и частоты отмены решений, к примеру. Не больше. Кадровые решения я на основе такого анализа принимать бы не рекомендовал.

— Я не спрашиваю у тебя совета по своим кадровым решениям, — Плевакин вдруг рассердился. — Я тебе задал простой вопрос. Можешь проанализировать все, что есть?

— Могу. — Барышев по-прежнему не очень понимал, чего именно хочет от него Анатолий Эммануилович. — А с чего вдруг такой вопрос-то возник?

— Ни с чего. Моя жена очень любознательная. Много времени в интернете проводит. И то, что она там читает, ей не всегда нравится. Вот с чего. Сделай, пожалуйста. И начни с Кузнецо-

вой, Горелова и Помеловой. Очень интересно, что именно о них знает вездесущая мировая паутина.

— Хорошо. К утру сделаю, завтра покажу результат. Могу идти?

— Можешь. — Плевакин махнул рукой. Выглядел он каким-то растерянным и неуверенным в себе. По крайней мере, Тимофей, хоть и не очень давно знал председателя суда, таким видел его впервые. — И да. Наверное, мне не стоит предупреждать тебя, чтобы ты о моем маленьком поручении пока никому не говорил. Этой троице особенно. Сам понимаешь, вопрос деликатный и щепетильный. Тем более что именно к ним у меня особое отношение.

— Хорошо, — кивнул Барышев. — Спасибо, что предупредили, потому что действовать за спиной Елены Сергеевны я считаю неправильным. Она мой непосредственный руководитель. Но я обещаю, что до получения результатов ничего ей не скажу и вам покажу их первому.

— Вот и договорились.

Однако Тимофей Барышев все-таки нарушил данное Плевакину обещание. Поздним вечером, почти ночью, он позвонил Елене Кузнецовой и напряженным голосом сообщил, что ему срочно нужно с ней поговорить.

— Что-то с Сашкой?

— Нет, с ней все в порядке. Мы с ней сегодня не виделись, потому что у меня появилось срочное дело, но час назад разговаривали. Она дома. У нее все хорошо. Речь идет о вас.

— Приезжай, — тут же отреагировала Елена Сергеевна. — Адрес знаешь?

— Да. Мне ехать минут двадцать.

Причиной ночного визита, из-за которой Тимофей гнал свою спортивную машину по ночной Москве, стало заключение искусственного интеллекта, выданное в ответ на составленный Барышевым промт, то есть запрос для нейросети.

«Судья Кузнецова должна быть подвергнута дисциплинарному взысканию и обязана срочно освободить свою должность. Дальнейшее пребывание федерального судьи Е. С. Кузнецовой в этой должности наносит ущерб авторитету правосудия и грозит непоправимыми последствиями», — гласило заключение.

Тимофей оторопело смотрел на экран. Ничего подобного он увидеть не ожидал, конечно. Немного подумав, он составил новый поисковый запрос, чтобы выяснить, почему искусственный интеллект сделал такой вывод.

«По совокупности публикаций в доступных мне источниках в сети Интернет», — ответила нейросеть.

Барышев запросил примеры публикаций и уже через минуту увидел огромный ворох статей, заметок и постов, в которых упоминалась федеральный судья Кузнецова. В негативном ключе, разумеется. Все это сильно смахивало на масштабную заказную кампанию, которую проводил против Елены Сергеевны неизвестный противник.

Всем этим Тимофей Барышев и собирался срочно поделиться с начальницей, чтобы до утра, когда его ждал Плевакин с результатами выполненного поручения, успеть понять, что им всем теперь делать.

* * *

Петр Шкуратов стоял у окна и смотрел на осенний сад. Ярочно-желтая листва ослепительно сияла на фоне голубого неба. Осень уже полностью вступила в свои права, несколько дней шел нудный серый дождь, размывающий картинку за окном в мутное пятно, в тумане которого скрывались и деревья, и поля, начинающиеся сразу за садом, и соседняя деревушка на склоне холма, по другую сторону поля.

Английская деревня, в которой Шкуратов поселился пять лет назад, сразу после отъезда из России, по-прежнему навевала на него тоску. Хотя вещи надо называть своими именами. Его

отъезд больше походил на бегство, да таковым, по сути, и являлся. Если бы он не уехал тогда в одночасье, то, скорее всего, его бы арестовали и он проводил бы сейчас время не в Туманном Альбионе, а на зоне, где-нибудь в Мордовии. Вот уж где точно тоска.

Петр вздохнул и потер пальцами переносицу. Мог ли он, мальчик из глубинки, отправившийся в далеком 1991 году покорять журфак МГУ, хотя бы подумать, что так сложится его жизнь. Он вырос в совсем простой семье: папа — рабочий на заводе, мама — медсестра в районной поликлинике. В перестроечные годы частенько бывало, что им и на еду не хватало, если бы не огород и корова, которых держала в деревне бабушка.

Только благодаря присылаемым ею продуктам и выживали. Петя был старшим, после него у родителей появились еще две сестренки-близняшки. Решение сына покорять Москву в семье считали блажью. Какая уж тут Москва, когда денег катастрофически не хватает.

— Школу закончишь, и давай к нам, на завод, — рубил отец. — Получку, конечно, задерживают, но платят же. Если научишься вкалывать и выдавать двойную норму, деньги вполне нормальные. Половину зарплаты будешь матери отдавать, чтобы ей полегче было, а на вторую — делай, что хочешь. Спрашивать не станем.

— Пап, я учиться хочу, — терпеливо объяснял Петя. — На журналиста.

— Глупости все это и блажь, — сердился отец. — Какого такого журналиста? Разве ж это профессия, которая прокормит? Дело должно быть в руках, тогда всегда себе на жизнь заработаешь.

— Папа, вот у тебя профессия в руках, и что? Помогло это тебе? — Петя вышел из себя. — Всю жизнь с матерью горбатитесь. У нее две смены, у тебя два плана, а на выходе что? На море хоть раз в жизни были? Сидим на головах друг у друга. У девчонок вон джинсов нет. А у матери сапоги драные и пальто старое. Ты это нормальной жизнью считаешь? Я так не хочу! Ты по сторонам посмотри. В нашем городе после школы только два пути: либо на завод, либо в бандиты. Половина города спилась, вторая как-то держится, и обе еле-еле концы с концами сводят. А в Москве совсем другие возможности.

— Ага, ждут там тебя, в этой Москве, — отец утратил запал, и Петя впервые вдруг увидел, что батя у него практически старый. — Ты, конечно, поступай, как знаешь, только имей в виду, мы тебе на эту авантюру ни копейки не дадим.

— А я и не попрошу, — пообещал Петя, и больше они к этому разговору до самого выпускного не возвращались.

Получив аттестат и отгуляв выпускной, на следующий же день Петя уехал в Москву. Деньги на билет он собрал. Последние два года он подрабатывал в районной газете, куда приносил свои статьи и получал гонорары, копеечные, разумеется. Гораздо более существенной статьей дохода были деньги, которые Пете платил ведущий журналист газеты Иван Маментьев. Считался он в их Суходольске местной звездой, его статьи регулярно выходили на первой полосе «Суходольского вестника», вот только писал их частенько не Маментьев, а десятиклассник Петр Шкуратов.

Маментьев сильно пил и зачастую оказывался не в состоянии выполнить редакционное задание, а из-под пера неленивого и любопытного Пети выходили хлесткие строчки, украшающие любую передовицу. И за это Маментьев, больше всего боявшийся, что правда о его творческой импотенции всплывет наружу, платил школьнику неплохие деньги. На билет до Москвы и на то, чтобы первое время не сдохнуть с голоду, по крайней мере, хватило.

Помимо денег имелся у Шкуратова и еще один сильный «туз в рукаве». Еще в девятом классе он прочитал одну статью известного публициста Юрия Земчихина, после которой, собственноручно говоря, и начал грезить о журналистике.

В сентябре выпускного класса Петя осмелился и отправил Земчихину письмо, в котором поделился своими мечтами, и, как ни странно, получил ответ.

Весь год мальчишка из Суходольска переписывался с мэтром, который поддержал его намерение приехать в столицу и даже пообещал на первое время приютить у себя. Так что ехал Петя не в белый свет, как в копейку, а по конкретному, имеющемуся у него адресу.

— Надоест маяться дурью — вернешься, — такими словами проводил его отец.

Чем не родительское напутствие?

И почему он сейчас об этом вспомнил?

Шкуратов вздохнул и отошел от окна. На кухонном столе звякнул телефон, принесся новое сообщение. Его номер знали совсем немногие, потому что у Петра имелись весомые основания опасаться за свою жизнь. Слишком серьезных людей он вывел на чистую воду своими журналистскими разоблачениями и еще большему количеству просто испортил жизнь, выполняя в своем телеграм-канале заказы по их очереди. За деньги, разумеется. Жизнь в английской деревне, знаете ли, не дешевое удовольствие, да и давний осведомитель, ставший партнером и совладельцем канала, тоже любит сладко есть и мягко спать.